Константин Ермихин

ЛЕГЕНДА О СТАЛКЕРЕ

Сценическая версия романа Аркадия и Бориса Стругацких «Пикник на обочине»

(избранные сцены хроники конца света)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Рэдрик Шухарт (Рыжий) — Сильный человек, озлобленный нелёгкой жизнью. Обладает высочайшим чутьём на опасность и потому успешно ходит в Зону. Очень любит свою семью и друзей.

Гута Шухарт — жена Рэда Шухарта и объект его постоянной заботы

Кирилл Панов – русский учёный

Капитан Квотерблад – полицейский

Стервятник Барбридж — один из первых сталкеров.

Дина Барбридж — дочь Стервятника Барбриджа. Красивая и весьма циничная, в отличие от своего романтичного и открытого брата, молодая женщина, «ведущая рассеянный образ жизни».

Артур Барбридж – сын Стервятника Барбриджа.

Эрнест — владелец заведения «Borzch», скупщик артефактов.

Гуталин – сталкер наоборот.

«**Мартышка**» **Мария Шухарт** — дочь Рэдрика Шухарта.

Папаня Шухарт — отец Рэдрика.

1 акт.

Темнота.

В пространстве сцены блуждает луч прожектора. Он движется без цели, выхватывает из тьмы осколки конструкций: дверные проемы, окна, стены. Впечатление, будто бы сцена захламлена, как покинутая комната и в то же время она пуста, как та же самая комната без хозяев, без следов жизни вообще. Луч упирается в поверхность шара, расположенного в центре сцены. Шар наливается золотым свечением, начинает мерцать, по его поверхности бегут пятна «белого шума», внезапно, они сменяются чётким изображением, будто мы смотрим фрагмент телевизионной передачи, а, впрочем, так оно и есть. Студия информационной передачи, стол, за столом сидят Ведущий и Учёный. Разговор возникает из радиопомех...

Учёный. Ответы существуют. Их даже очень много, выбирайте любой.

Ведущий. А сами вы что считаете? Давайте все-таки так. Человек встретился с инопланетным существом. Как они узнают друг о друге, что они оба разумны?

Учёный. Представления не имею. Все, что я говорят по этому поводу научные теории, сводится к порочному кругу. Если они способны к контакту, значит, они разумны. И наоборот: если они разумны, они способны к контакту. И вообще: если инопланетное существо имеет честь обладать психологией человека, то оно разумно. Вот так.

Ведущий. Вот тебе и на, а я-то думал, что у вас все уже разложено по полочкам...

Учёный. Разложить по полочкам, и обезьяна может.

Ведущий. Нет, погодите, что вы все-таки думаете насчет Посещения?

Учёный. Пожалуйста. Представьте себе пикник... Представьте себе: лес, проселок, лужайка. С проселка на лужайку съезжает машина, из машины выгружаются молодые люди, бутылки, корзины с провизией, девушки, фото- и киноаппараты... Разжигается костер, ставятся палатки, включается музыка. А утром они уезжают. Звери, птицы и насекомые, которые всю ночь с ужасом наблюдали происходящее, выползают из своих убежищ. И что же они видят? На траву понатекло автола, пролит бензин, разбросаны негодные свечи и масляные фильтры. Валяется ветошь, перегоревшие лампочки, кто-то обронил разводной ключ. От протекторов осталась грязь, налипшая на каком-то неведомом болоте... ну и, сами понимаете, следы костра, огрызки яблок, конфетные обертки, консервные банки, пустые бутылки, чей-то носовой платок, чей-то перочинный нож, старые, драные газеты, монетки, увядшие цветы с других полян...

Ведущий. Я понял. Пикник на обочине.

Учёный. Именно. Пикник на обочине какой-то космической дороги. А вы меня спрашиваете: вернутся они или нет.

Ведущий. Значит, что же, они нас даже и не заметили?

Учёный. Почему?

Ведущий. Ну, во всяком случае, не обратили на нас внимания...

Учёный. Знаете, я бы на вашем месте не огорчался. Подождите. Как же там... Один умный человек написал... мммм... не помню кто, но не суть... "Вы спросите меня: чем велик человек? Что создал вторую природу? Что привел в движение силы, почти космические? Что в ничтожные сроки завладел планетой и прорубил окно во Вселенную? Нет! Тем, что, несмотря на все это, уцелел и намерен уцелеть и далее".

Молчание.

Ведущий. Может быть... Конечно, если с этой точки зрения...

Учёный. Да вы не огорчайтесь. Пикник — это ведь только моя гипотеза. И даже не гипотеза, собственно, а так, картинка... Так называемые серьезные ксенологи пытаются обосновать гораздо более солидные и льстящие человеческому самолюбию версии. Например, что никакого Посещения не было, что Посещение еще только будет. Некий высокий разум забросил к нам на Землю контейнеры с образцами своей материальной

культуры. Ожидается, что мы изучим эти образцы, совершим технологический скачок и сумеем послать ответный сигнал, который и будет означать реальную готовность к контакту. Как вам это?..

Картинка мигает, всё поглощает белый шум. На смену телевизионной студии появляется изображение какого-то парня или девушки в хипповатом прикиде. Он стоит на сцене с гитарой в руках и поёт дурацкий мотивчик: «Счастье для всех и пусть никто не уйдёт обиженным». Песенку обрывает страшный грохот и вой сирен. Ощущение, что обрушились колосники театра. На мгновение загораются все осветительные приборы. Свет ослепительный. После него перед глазами остаются только радужные круги. Полная тьма и тишина.

Во тьме проходит 2 минуты. Две минуты полного мрака и оглушительной тишины.

T.

Появляется белая светящаяся полоска ткани. Кто-то раскручивает её для броска.
Понятно, что к ткани привязан какой-то предмет: не большой, но достаточно увесистый, чтобы после броска он потянул за собою ткань. Эта нехитрая конструкция взлетает над сценой, пролетает почти до противоположной кулисы, падает на пол и катится несколько метров вперёд. Тишина.

Голос. Ты это видел? **Второй голос**. Что?

Голос. Ничего. Наверное, показалось.

Шаги.

Второй голос. Стой. На всякий случай брошу вторую.

В тишине повторяется предыдущая история с тканью. На этот раз звук от падения гайки громче. Будто бы упала не гайка, а, как минимум килограммовая гантель.

Второй голос. Значит не показалось. Молодец Кирилл. А я проглядел, чччерррт самоуверенный.

Голос Кирилла. Что это?

Вспыхивает огонек зажженной спички. На несколько мгновений озаряется лицо человека. Угрюмый и мрачный вид. Человек сосредоточенно прикуривает сигарету. Смотрит на компаньона.

Человек. «Комариная плешь».

Спичка гаснет. Кирилл включает фонарик. Направляет на курильщика.

Кирилл. Зона аномальной гравитации? Гравиконцентрат?

Человек. Не знаю, как по-вашему, хоть концентрат. Мы называем «комариной плешью». Но нам не туда. Мы почти пришли. Посвети в ту дверь. Видишь цилиндр?

Кирилл. Да.

Человек. Это она - полная "пустышка".

Кирилл. Так чего мы стоим? Пошли?! Рыжий я тебе премию выпишу... Двойную! Пойдем недалеко же осталось!

Рыжий. Подожди. Чудак человек. Я же говорю, здесь напрямик не всегда быстрее. Это Зона. Ты уже почти год в институте, а так ничего и не понял. Все вы высоколобые одинаковые. Думаете только о своей науке, а вокруг ничего не видите.

Кирилл. Это ты не понял. Это же первая полная "пустышка". Ты видишь?

Рыжий. Вижу. Так я ж её и нашёл.

Кирилл. Это правда. Я назову её твоим именем.

Рыжий. Как? Хреновина Шухарта? Спасибо, не стоит. Пока не рассвело дальше не пойдём.

Начинает снимать рюкзак. Кирилл крадётся к дверному проёму. Ему кажется, что движется он очень ловко и осмотрительно. Но это только кажется. Пока Рыжий возился с рюкзаком, Кирилл добрался уже до проёма. Он оборачивается посмотреть на Рыжего, идёт спиной в проём, раздается еле слышный треск, будто лопается паутина. Рыжий падает за рюкзак, поворачивается в сторону Кирилла.

Рыжий кричит. Стой, дурак! Убью!

Кирилл замирает на месте. Его лицо вытягивается в гримасе ужаса и удивления. Он смотрит на Рыжего.

Кирилл. Ты чего?

Рыжий. Я что тебе говорил? Что я говорил тебе, болван? Жаба лабораторная!

Кирилл. Шухарт, ты чего? Всё же нормально.

Рыжий. Повернись. Медленно. Ещё медленней. Руки подними. Пронесло. Везунчик. Новичкам везёт. Сейчас бы глотнуть. Сержант, жаба, фляжку отобрал. Стой, не двигайся. Я сейчас... Доктор, блин, наук... Первый раз в зоне, а впереди сталкера прется... Повезло, чёрт... Только бы обошлось. Ты где шёл? Здесь?

Кирилл. Я не помню. Просто шёл.

Рыжий. Помру я здесь с тобой. Кто меня за язык тянул? Пришёл бы один, забрал тихо и всё.

Кирилл. И загнал бы в "Борще"?

Рыжий. А это тебя не касается. Понял? Порадовать захотел игрушкой. Нашёл кого радовать. Ты же кретин эгоистичный. Только и думаешь о своём человечестве сраном.

Кирилл. Стой.

Рыжий останавливается, как вкопанный. Он насторожен, испуган, подтянут и готов действовать молниеносно.

Кирилл. Остановись, Рыжий. Наболтаешь лишнего.

Рыжий выдыхает и одним прыжком оказывается возле Кирилла. Коротко бьет того в грудь. Кирилл оседает по стене.

Рыжий. Кирилл, ты хороший человек и больше так не делай. Потому что я плохой и могу с горяча сделать плохие вещи. В другой раз, если я скажу не дыши, ты не будешь дышать пока я не разрешу. Это Зона и ты тут ни хрена не знаешь. Тут столько всякого дерьма, а я дерьмо чую. Потому что я родился в дерьме и живу в нём. И сам я дерьмо. Пойми ты, глупый человек, что, здесь, сделав один шаг в сторону, ты можешь умереть. Иногда это происходит сразу, а иногда долго и мучительно. А я не хочу умирать, и не хочу, чтобы ты умирал. Ты мне ещё премию выписать должен. Двойную. Я хочу, чтобы ты взял эту пустышку, изучил её и был счастлив. Ведь это не так много для таких парней, как мы с тобой. Но и, конечно не так мало. Ведь так?

Кирилл. Так.

Рыжий. А теперь бери пустышку и пошли. Нет. Тут не возвращаются тем же путем. Сейчас брошу гайку.

Рыжий бросает гайку с привязанным к ней бинтом. Они осторожно берут с пола цилиндр или колбу, или черт знает что. Скрываются в дверном проеме. Тьма. В темноте звучит дурацкая песенка про счастье.

II.

Сцена освещается неоновым огнём вывески бара с названием "Borzch". За стойкой стоит Эрнест - бармен, он же по совместительству владелец заведения, натирает бокалы. По углам сидят редкие посетители. В зал входит Гута.

Эрнест. Здравствуй, Гута! Твоего здесь нет.

Гута. Здорово, Эрни! Вижу, что нет.

Эрнест. Угостить?

Гута. Ты знай себе три. Знаешь, один тер-тер и злого духа вызвал. Жил потом в свое удовольствие.

Эрнест. Это кто же такой?

Гута. Да был такой бармен здесь, еще до тебя.

Эрнест. Ну и что?

Гута. Да ничего. Ты думаешь, почему Посещение было? Тер он, тер... Ты думаешь, кто нас посетил, а?

Эрнест. Хорошая ты баба, Гута, да только язык больно острый. Как только Рэд тебя терпит?

Гута. А ты увидишь его, передай, что больше ему этого не светит. Пусть меня стороной обходит. Видеть его не хочу.

Эрнест. Вот как? Передам. Так может угостить тебя за счёт заведения?

Гута. Не надо, я теперь только воду пью.

Эрнест. Что так?

Гута. А это моё дело. И никому в него лезть не стоит. Особенно Шухарту. Так и передай.

Эрнест. Как скажешь. Только ведь знаешь, что говорят про детей сталкеров...

Гута. Слышала. А ещё я слышала, что с барменом говорить, всё равно, что священнику исповедоваться. Если ты понимаешь о чём я говорю.

Эрнест. Понимаю, Гута.

Гута. Ну, бывай, Эрни.

Гута выходит. В дверях сталкивается со здоровенным амбалом под два метра ростом. Он одет в чёрный наряд, совмещающий в себе покрой робы и одежды священника — на воротнике белая пасторская стоечка. Он пьян. Угрюм. Ищет кому бы дать в морду. Почему-то все зовут его Гуталином.

Гуталин. Ибо грядет день. Ибо взнуздан уже конь бледный, и уже вложил ногу в стремя всадник его. И тщетны молитвы продавшихся сатане. И спасутся только ополчившиеся на него. Вы, дети человеческие, сатаною прельщенные, сатанинскими игрушками играющие, сатанинских сокровищ взалкавшие, - вам говорю: слепые! Опомнитесь, сволочи, пока не поздно! Растопчите дьявольские бирюльки! А выпить мне здесь дадут? Или где это я?..

Эрнест. Заткнись, Гуталин! Если деньги есть, налью. А так, выметайся. У меня приличное заведение.

Гуталин. А ты... ты главный пособник его. Здесь все знают кому хабар нести. А ты их как липку... За гроши ведь покупаешь. Они, дураки жизнью рискуют, а ты покупаешь даром... Они там мрут, как мухи, а ты...

Эрнест. Я плачу им за работу. Столько сколько попросят. И тебе бы платил.

Гуталин. Я хожу в Зону дабы бросить в морду сатане его же сатанинское. Чтоб видел он, что не ввести нас во искушение. Я воин божий!

В бар входят Шухарт и Кирилл.

Рыжий. Здорово, Эрни! Хватит тебе его мучить, налей! Сегодня я плачу! Все законно, - премию будем пропивать.

Гуталин. А! Вот и Рэд здесь! Во всем городе есть только два человека - Ты и я! Все остальные - свиньи, дети сатаны. Рэд! Ты тоже служишь сатане, но ты все-таки человек... Садись, Рыжий! Садись, слуга сатаны! Люблю тебя. Поплачем о грехах человеческих. Горько восплачем!

Рыжий. Восплачем. Глотнем слез греха.

Эрнест ставит на стол бутылку.

Эрнест. В Зону ходили? Что-нибудь вынесли?

Рыжий. Полную "пустышку". На алтарь науки. И полные штаны вдобавок. Ты разливать будешь или нет?

Гуталин. "Пустышку"!.. За какую-то "пустышку" жизнью своей рисковал! Жив остался, но в мир принес еще одно дьявольское изделие... а как ты можешь знать, Рыжий, сколько горя и греха...

Рыжий. Засохни, Гуталин. Пей и веселись, что я живой вернулся. За удачу, ребята!

Выпивают.

Гуталин. Знаешь, Рыжий, опять меня с работы поперли. Агитатор, говорят. Я им объясняю: опомнитесь, сами, слепые, в пропасть валитесь и других слепцов за собой тянете! Смеются. Ну, я дал управляющему по харе и ушел. Посадят теперь. А за что?

Гуталин совсем раскис, сидит, плачет.

Рыжий (Кириллу). Ничего, я его знаю. Это у него стадия такая: обливаться слезами и проповедовать: Дьяволово, мол, дьяволу. Я его люблю, Гуталина. Я вообще чудаков люблю. У него, когда деньги есть, он у кого попало хабар скупает, не торгуясь, а потом ночью прет этот хабар обратно, в Зону, и там закапывает... Во ревет-то, господи! Ну ничего, он еще разойдется.

Эрнест. А что это такое: полная "пустышка"? Просто "пустышку" я знаю, а вот что такое полная? Первый раз слышу.

Рыжий. Кирилл, объясни ты. Только проще. Может и я что пойму.

Кирилл. Ну что ж, попробую проще. Гидромагнитная ловушка, объект семьдесят семь-бэ. Состоит из двух медных дисков, размером с чайное блюдце, миллиметров пять толщиной, и расстояние между дисками четыреста миллиметров, и кроме этого расстояния, ничего между ними нет. Но всё же, ни прижать эти диски, друг к другу, ни растащить их никому еще не удавалось. Назначение объекта семьдесят семь бэ до сих пор не разгадано, однако, благодаря мистеру Шухарту, мы обнаружили и изъяли из Зоны, так называемую «пустышку» в наполненном виде. А именно, между дисками находится синяя начинка. Начинка в виде матового переливающегося тумана. И теперь понятно, что объект представляет из себя сосуд. (Кирилл обводит всех торжествующим взглядом.)

В зал бара входит капитан Квотерблад. Он некоторое время наблюдает за столиком Шухарта.

Рыжий. О как! Понял, Эрни? Скоро у тебя вместо тех бутылок будут стоять «Банки Шухарта».

Капитан Квотерблад. Эй, сталкер!

Шухарт нервно вздрагивает, задвигает ногой под стол свою сумку. Бросает на Кирилла предупреждающий взгляд. Нарочито медленно и старательно разливает алкоголь. Капитан подходит к столику. За ним следуют два полицейских в голубых ООНовских касках, руки держат на кобурах.

Квотерблад. Шухарт, я к тебе обращаюсь.

Рыжий. А, здравия желаю, капитан. Как ваша печень?

Квотерблад. Ты, сталкер, мне зубы не заговаривай. Ты мне лучше скажи, почему сразу не откликаешься, когда тебя зовут?

Рыжий. Да разве вы меня звали, капитан? Вы же какого-то сталкера...

Квотерблад. А ты, значит, уже и не сталкер?

Рыжий. Как по вашей милости отсидел – бросил. Завязал. Спасибо вам, капитан, глаза у меня тогда открылись. Если бы не вы...

Квотерблад. Что в предзоннике делал?

Рыжий. Как что? Я там работаю. Два года уже. Вот удостоверение.

Рыжий протягивает пропуск капитану. Тот некоторое время разглядывает его, чуть ли не на зуб пробует.

Квотерблад. Извини, Шухарт. Не ожидал. Значит, не прошли для тебя мои советы даром. Что ж, это прекрасно. Хочешь верь, хочешь не верь, а я еще тогда предполагал, что из тебя толк должен получиться. Ну что ж, рад с тобой познакомиться, честный человек Шухарт. С удовольствием бы опрокинул с тобой стаканчик в честь такого знакомства. Крепкого, правда, мне нельзя, доктора не велят, но пивка бы я с тобой выпил...

Рыжий. Не приведи господь, капитан. Ваша печень мне этого не простит.

Капитан будто не расслышал. Подсаживается за стол к Шухарту и его приятелям.

Квотерблад. Может познакомишь меня с друзьями?

Рыжий. Простите, капитан, где мои манеры! Ну, Гуталина вы знаете. А это вот, доктор наук Кирилл Панов из России. Ему бы опыта побольше, торопливость с него эту ребячью сбить, я бы с ним каждый день в Зону ходил.

Квотерблад. И каждую ночь?

Рыжий. Вы это бросьте. Ночью в зону только сталкеры ходят.

Квотерблад. Ну-ну... не обижайся. Мистер Панов, позволите задать вам вопрос?

Кирилл. Да, пожалуйста.

Квотерблад. Слушайте, Кирилл, как вы думаете, чем все это кончится?

Рыжий. Вы, о чем?

Квотерблад. Посещение, Зоны, сталкеры, военно-промышленные комплексы, вся эта куча... Чем все это может кончиться?

Кирилл. Для кого? Конкретизируйте.

Квотерблад. Ну, скажем, для нашей части планеты.

Кирилл. Это зависит от того, повезет нам или нет. Мы теперь знаем, что для нашей части планеты Посещение прошло, в общем, бесследно. Конечно, не исключено, что, таская наугад каштаны из этого огня, мы в конце концов вытащим что-нибудь такое, из-за чего жизнь не только у нас, но и на всей планете станет просто невозможной. Это будет невезенье. Однако, согласитесь, это всегда грозило человечеству. Вот для вас, что изменилось с Посещением? Вот вы узнали, что во Вселенной есть еще по крайней мере один разум помимо человеческого. Ну и что?

Квотерблад. Да как вам сказать? Например, вот уже несколько лет я ощущаю некоторое неудобство, не уютность какую-то. Хорошо, они пришли и сразу ушли. А если они придут снова и им взбредет в голову остаться? А если мы все окажемся ненужными в их системе? Слушайте, раз уж к слову пришлось, существуют какие-нибудь ответы на эти вопросы? Кто они, что им было нужно, вернутся или нет?..

Кирилл. Ну, гипотез существует масса. Я придерживаюсь той, что мы с вами стали, как бы свидетелями космического пикника на обочине. Слышали про такую?

Квотерблад. Слышал, но это как-то... не приятно думать, что мы эдакие навозные жуки.

Кирилл. Хорошо, тогда так: Посещение имело место на самом деле, но оно отнюдь не окончилось. Фактически мы сейчас находимся в состоянии контакта, только не подозреваем об этом. Пришельцы угнездились в Зонах и тщательно нас изучают, одновременно подготавливая к "жестоким чудесам грядущего".

Эрнест. Вот это я понимаю!

Квотерблад. А все-таки приятно с вами побеседовать. Этакое прочищение мозгов, словно английской соли насыпали под черепушку. А то вот работаешь-работаешь, а зачем, для чего, что будет, что случится, чем сердце успокоится...

Кирилл. А не пора ли нам по домам? Пойдемте. Завтра у меня важный эксперимент в лаборатории. Ох, Рэд. Ты ведь, простая твоя душа, и не понимаешь, какую мы штуку притащили...

Рыжий. А ты-то понимаешь?

Кирилл. Я, впрочем, тоже не понимаю. Это верно. Но если одна моя идейка пройдет... Напишу статью, и тебе ее персонально посвящу: Рэдрику Шухарту, почетному сталкеру, с благоговением и благодарностью посвящаю.

Рыжий. Тут-то меня и упекут на два года.

Кирилл. Зато в науку войдешь.

Рыжий. Счастливо тебе, сложная твоя душа...

Кирилл поворачивается чтобы уйти.

Рыжий. Стой. Подними руки и повернись.

Кирилл. Брось, Рыжий, ты меня уже раз двадцать со всех сторон осмотрел. Далась тебе моя спина. Счастливо!

Квотерблад. Я вас довезу.

Кирилл. Благодарю. У меня завтра эксперимент. Вы знаете, любопытная вещь...

Уходят.

Эрнест. Шухарт! Забыл сказать, тебя Гута искала. Просила передать, что знать тебя не желает больше.

Рыжий. Ну-ка, налей мне на два пальца, и дай телефон.

Набирает номер. Слушает гудки. Жмёт на рычаг. Снова набирает номер. Так повторяется на протяжении следующего разговора. Отделившись от компании за дальним столиком, к Шухарту подходит Барбридж-Стервятник.

Стервятник. Здорово, Рыжий.

Рыжий. Здоровей видали. Чего надо?

Стервятник. Вчера в гостинице зашел я в бар принять ночной колпачок, сидят какие-то новые. Сразу они мне не понравились. Подсаживается один ко мне и заводит разговор издалека, дает понять, что он меня знает, знает, кто я, где работаю, и намекает, что готов хорошо оплачивать разнообразные услуги...

Рыжий. Шпик.

Стервятник. Нет, милый мой, не шпик. Ты послушай. Я немножко с ним побеседовал, осторожно, конечно, дурачка такого состроил. Его интересуют кое-какие предметы в Зоне, и при этом предметы серьезные. Аккумуляторы, "зуда", "черные брызги" и прочая бижутерия ему не нужна. А на то, что ему нужно, он только намекал.

Рыжий. Так что же ему нужно?

Стервятник. "Ведьмин студень", как я понял.

Рыжий. Ах, "ведьмин студень" ему нужен! А "смерть-лампа" ему, случайно, не нужна?

Стервятник. Я его тоже так спросил.

Рыжий. Ну?

Стервятник. Представь себе, нужна.

Рыжий. Да? Ну так пусть сам и добывает все это. Это же раз плюнуть! "Ведьмина студня" вон полные подвалы, бери ведро да зачерпывай. Похороны за свой счет. Сам знаешь, сталкеры - люди грубые, им только капусту подавай, да побольше, но на такое даже покойный Слизняк не пошел бы. Я даже представить себе боюсь, кому и для чего "ведьмин студень" может понадобиться. Исследования, представляющие потенциальную опасность для человечества.

Стервятник. Что ж, все это правильно. Только мне, понимаешь, не хочется, чтобы в одно прекрасное утро нашли меня в постельке покончившего жизнь самоубийством. Давно живу, привык уже...

В бар врывается капитан Квотерблад в сопровождении ООНовцев.

Квотерблад. Рэдрик Шухарт, вы задержаны до выяснения обстоятельств.

Рыжий. Капитан, не горячитесь. (С остервенением опускает трубку телефона на рычаг. Такое чувство, что аппарат виноват во всех бедах человечества и должен быть уничтожен во что бы то ни стало.) Эрни! Она ещё что-нибудь сказала?!

Эрнест. Отказалась от коктейля и заявила, что теперь будет пить только воду. И что тебя всё это не касается в особенности.

Рыжий. Парни, вы слышали? Эрни. Выпивку всем за мой счёт! И пусть никто не уйдёт обиженным! Капитан и вы жабы ООНовские, выпейте с нами – радость у меня! А завтра я сам приду. Слово Рэдрика Шухарта «Рыжего». Тут все свидетели. Капитан, ну что вы, не человек что ли?

Квотерблад. Давай, выпьем, Рэд. (Опрокидывает поданную рюмку.) Только пойдёшь ты со мной сегодня. (Продолжает тихо, так что слышит только Шухарт.) Кирилл Панов умер.

Рыжий. Кирилл?!

Квотерблад. Разрыв сердца. Никто ничего не понимает. Про тебя спрашивали, так что сам понимаешь, не могу я тебя отпустить.

Рыжий. А чего тут не понимать? Зона... Зона... Зона... Зона...

Эрнест. Что это с тобой?

Рыжий. Я в полном порядке.

Эрнест. Капитан, отпустили бы вы его сегодня домой. Перебрал он малость.

Рыжий. Кирилл умер.

Эрнест. Это который Кирилл? Шелудивый, что ли?

Рыжий. Сам ты шелудивый, сволочь. Из тысячи таких, как ты, одного Кирилла не сделать. Паскуда ты, торгаш вонючий. Смертью ведь торгуешь, морда. Купил нас всех за зелененькие... Хочешь, сейчас всю твою лавочку разнесу?

Рыжий бежит к своей сумке, вынимает из неё какой-то предмет. Поднимает над головой. ООНовцы бросаются к нему, пытаются заломить руки, забрать предмет. Просыпается Гуталин.

Гуталин. Покайтесь, паразиты! Где Рыжий? Куда Рыжего дели, чертово семя?..

Начинается потасовка. Рыжий роняет предмет на пол. Им оказывается ничем непримечательный шар. Трудно сказать из какого материала он сделан. Шар разлетается на две половинки. Половинки светятся, мерцают. Вместе с ними начинает мерцать остальной свет. Нарастает неприятный подвывающий звук — то ли воют собаки, то ли воет полицейская сирена, то ли свистит микрофон на рок концерте, то ли всё разом. Люди падают на пол, хватаются за головы, кто-то успевает выбежать в дверь, выпрыгнуть в окно. Свет гаснет. Тишина. Слышно, как кто-то напевает песенку про даровое счастье.

III.

В темноте загорается огонь спички. Видно руки, автомат, рукава форменного кителя. Над огоньком склоняется голова в голубой каске. Огонёк гаснет. Тлеет сигаретный табак. Время от времени, когда человек затягивается, освещаются рука, губы и нос, глаза тонут в тени козырька ООНовской каски.

Голос Рыжего. Стоит, жаба. Как приклеенная.

Голос Стервятника. Это... неспроста... Донес кто-то. Ждут.

Голос Рыжего. Может быть. Дать еще глоток?

Голос Стервятника. Нет. Хватит пока. Ты меня не бросай. Не бросишь - не помру. Тогда не пожалеешь. Не бросишь, Рыжий?

Рэдрик молчит. Слышны шаги. Голубая каска мажет лучом фонарика по сторонам. В луче появляется фигура второго ООНовца. Луч гаснет. Загорается вторая спичка. В свете её огонька появляются две головы в касках. Прикуривают.

Голос Стервятника. Слушай, Рыжий. Я не треплюсь. Не пожалеешь. Знаешь, почему старик Барбридж до сих пор жив? Знаешь? Боб Горилла сгинул, Фараон Банкер погиб, как не было. Какой был сталкер! А погиб. Слизняк тоже. Норман Очкарик. Каллоген. Пит Болячка. Все. Один я остался. Почему? Знаешь?

Голос Рыжего. Подлец ты всегда был, Стервятник.

Голос Стервятника. Подлец. Это верно. Без этого нельзя. Но ведь и все так. Фараон. Слизняк. А остался один я. Знаешь почему?

Голос Рыжего. Знаю.

Голос Стервятника. Врешь. Не знаешь. Про Золотой шар слыхал?

Голос Рыжего. Слыхал.

Голос Стервятника. Думаешь, сказка?

Голос Рыжего. Ты бы молчал лучше. Силы ведь теряешь!

Голос Стервятника. Ничего, ты меня вынесешь. Мы с тобой столько ходили! Неужели бросишь? Я тебя вот такого... маленького знал. Отца твоего. Ты меня должен вытащить, это из-за тебя я погорел.

Голос Рыжего. Из-за жадности своей ты погорел. Я здесь ни при чем. Помолчи лучше.

В стороне слышен звук обвала. Что-то железное или стеклянное рухнуло, разбилось, покатилось, внезапно затихло. Голубые каски затушили сигареты. Звук шаркающих шагов. Удар. Тишина. Передёрнули затворы автоматов. Лучи фонариков мечутся по сторонам. Цепляют две фигуры, затаившиеся за обломком стены. Пронеслись мимо. ООНовцы расходятся в стороны в поисках источника шума. Стервятник включает фонарик. Свет слабый только-только чтобы различать силуэты предметов.

Стервятник. Рыжий, давай... Давай по-быстрому! Ну давай, чего сидишь! Пусть весь хабар будет твой, только не бросай. Золотой шар. Я его нашел. Хочешь скажу где? **Рыжий**. Ну, скажи.

Стервятник. Ноги мои... Пощупай, как там. Кости... Кости еще есть?

Рыжий. Есть, есть. Не суетись.

Стервятник. Врешь ведь. Ну, ладно. Ты только меня вытащи. Я тебе все. Золотой шар. Карту нарисую. Все ловушки укажу. Всё расскажу...

Что-то падает совсем близко. Звук такой, будто кто-то упал с высоты собственного роста. Упал плашмя, даже не попытавшись смягчить удар. Вспыхивают фонари. Сходятся на одной точке. В их лучах видна груда тряпок. Тряпки начинают шевелиться. Поднимается мужская фигура в чёрном похоронном костюме. Раздаются команда «Стоять» на разных языках. Фигура поворачивается в разные стороны, как стрелка компаса, ищущая север. Направление найдено. Фигура движется вперёд, не замечая препятствий. Спотыкается, падает, встаёт. Она не ищет лёгкой дороги. Идёт напролом. ООНовцы стреляют. Фигура дёргается, падает, поднимается снова, ищет азимут движения, продолжает идти. Идёт механически, как заводная кукла. Снова крики «Стой». Стрельба. Лучи фонарей гаснут. Торопливые шаги убегающих людей. Шаркающий звук шагов «Куклы».

Стервятник. Матерь божия! Рыжий, ты видел?

Рыжий. Да.

Стервятник. Господи!.. Этого нам еще не хватало!.. Давай, давай... Не беспокойся, хабар я держу. Быстро! Быстро давай! Колени, целы еще у меня колени... Колени бы спасти.

Рыжий. Заткнись! Да заткнись ты. Что ты как баба? Если смогу, вытащу. Дину мне твою жалко, на панель ведь пойдет девка...

Рэдрик волочит Стервятника по земле. Тот держит мешок с хабаром мёртвой хваткой. Ноги Стервятника безвольно болтаются из стороны в сторону, будто резиновые.

Стервятник. Дина... Деточка моя. Красавица. Они ж у меня балованные, Рыжий. Отказа не знали. Пропадут. Артур. Арчи мой. Ты ж его знаешь, Рыжий. Где ты еще таких видел? У сталкеров детей нормальных не бывает, это всем известно. Твоя Мартышка ещё ничего, а ведь бывает и хуже. Нет, ты меня в любом случае вытащишь.

Рыжий. Заткнись! Не мешай! На южную окраину свернем.

Стервятник. Как на окраину? Да ты что? Колени же мне загубишь, паскудник! Колени!

Шухарт жестоко наотмашь бьёт Стервятника по лицу. Стервятник захлёбывается тоскливым воем.

Рыжий. Не пыли, Стервятник, прямо через город нельзя. Три заставы, хоть на одной да остановят. Давай сюда хабар. Мне рисковать нельзя, не имею права.

Стервятник. Карту дам... все ловушки, все... Сам найдешь, не пожалеешь...

Рыжий. Ладно. Тебя куда? Домой или прямо к Мяснику?

Стервятник. К Мяснику, к Мяснику гони! Прямо к нему! Прямо давай! Что ты ползешь как вошь по мокрому месту!

Крик стервятника тонет в унылом, страшном, полном тоски звуке, который поднимается откуда-то из глубины Зоны. Свет заполняет сцену, проходит по всем оттенкам спектра.

Темнота, на сцене появляется световая дорожка золотистого цвета, по ней пританцовывая бредёт человек. Человек напевает дурацкую песенку про даровое счастье.

IV.

«Borzch». Бар пуст. Стулья перевёрнуты, стоят на столах. Уборщик моет пол. Один из столов не убран. На столе бутылки, остатки ночного застолья. Ничком на столе лежит человек. Дина Барбридж опускает монету в музыкальный автомат. Звучит музыка. Дина

танцует. В танце подходит к столу, берёт что-то из еды, кладёт кусок в рот. Отламывает ещё кусок и бросает его на пол, затем ещё один и ещё. Уборщик безропотно убирает. В зал входит Шухарт.

Дина. Эй, Рыжий! Здорово! А где же папахен? Неужели опять засыпался? Хочешь?

Протягивает Шухарту стакан. Но по всему видно, что подразумевает она себя. Шухарт устало опускается на стул напротив неё. Наливает себе в другой бокал. Пьёт.

Рыжий. Помнится, пуговицы на кофте у матери, янтарные такие, полупрозрачные, золотистые, были. Так и хотелось сунуть в рот и сосать. Думал, что они должны быть необычайной сладости. А возьмёшь в рот и... каждый раз, страшно разочаровывался, и каждый раз забывал об этом... даже не то чтобы забывал, а просто не верил собственно памяти стоило их снова увидеть. Вот так же и ты, Дина. Хоть пьяным, хоть трезвым с тобой трахаться, - сплошное разочарование.

Дина бросает в него бокал. Рыжий уворачивается. Дина смеётся. Видно, что его слова ей не причинили никакой обиды, она и сама про себя всё знает.

Рыжий. Барбридж в больнице. Ноги ему отрежут.

Дина. Обе ноги?

Рыжий. Обе. Может быть, до колен, а может быть, и выше.

Дина. Жаль. А ты, значит...

Рыжий бросает Дине несколько пачек ассигнаций.

Дина. Последняя получка, значит.

Дина разрывает упаковку денежной пачки, берёт одну купюру, вытирает пальцы, бросает смятую купюру на пол. Берёт вторую, промокает губы, отправляет вслед за первой. Рыжий наливает себе из бутылки, делает маленький глоток. Дина смотрит на него не отрываясь.

Рыжий. Хочешь?

Дина молчит.

Рыжий. Брось. Не пропадёшь. У твоего папаши...

Дина. А ты его, значит, тащил. Пёр его, дурак, через всю Зону, кретин рыжий, пёр на хребте эту сволочь, слюнтяй. Такой случай упустил... Вот так он всех вас, идиотиков, вокруг пальца... По костям вашим, по вашим башкам безмозглым... Погоди, погоди, он еще на костылях по вашим черепушкам походит, он вам еще покажет братскую любовь и милосердие! Золотой шар небось тебе обещал, да? Карту, ловушки, да? Болван! Кретин! По роже твоей конопатой вижу, что обещал... Погоди, он тебе еще даст карту, упокой, господи, глупую душу рыжего дурака Рэдрика Шухарта...

Шухарт выплёскивает ей в лицо содержимое бокала. Дина отвешивает ему в ответ хлёсткую пощёчину. Забирает деньги. Уходит. На пороге оборачивается.

Дина. Дурак... рыжий... Такой случай упустил... такой случай...

Рыжий. Хороших деток вымолил себе Стервятник Барбридж в Зоне! Любящих и почтительных!

Дина выходит. Шухарт подходит к автомату, бросает монету и меняет мелодию. Появляется Эрнест.

Рыжий. Пива налей. **Эрнест**. Принес?

Рыжий. Что принес?

Рэдрик оглядывается через плечо. Уборщик бросил свою работу и переместился к выходу, отрезая путь.

Эрнест. Пойдем потолкуем.

Рыжий. Пойдем.

Рэдрик бросается к окну. Человек до этого момента лежавший ничком на столе со следами вчерашнего веселья, ловко перехватывает беглеца, заламывает ему руку, припечатывает лииом об стол.

Рыжий. Что же ты, Эрни... зараза!

Эрнест уныло пожимает плечами. Капитан Квотерблад, выходит из подсобного помещения, идёт к Шухарту, открывает его сумку, достаёт предметы.

Квотерблад. "Пустышки" малые - две штуки; "батарейки" - девять штук; "черные брызги" разных размеров - шестнадцать штук в полиэтиленовом пакете; "губки" прекрасной сохранности - две штуки; "газированной глины" - одна банка... В карманах есть чтонибудь? Выкладывайте...

Рыжий. Гады. Зар-разы.

Капитан даёт знак отпустить Рыжего. Тот суёт руку за пазуху и швыряет на стол пачку банкнот. Банкноты летят во все стороны.

Квотерблад. Ого! Еще?

Рыжий. Жабы вонючие! Жрите! Подавитесь!

Достаёт и кидает на пол ещё несколько пачек.

Квотерблад. Очень интересно. А теперь подбери все это.

Рыжий. Бог подаст! Холуи твои подберут. Сам подберешь!

Квотерблад. Подбери деньги, сталкер.

Несколько секунд они молча глядят друг другу в глаза, потом Рэдрик, бормоча ругательства, опускается на корточки и неохотно принимается собирать деньги. Уборщик злорадно фыркает.

Рыжий. Не фыркай, ты! Сопля вылетит!

Собирает купюры. Встаёт на колени. Собирается с силами.

Рыжий. Капитан, будь человеком... У меня Гута и Мартышка... они совсем одни останутся. Дочке через неделю четыре исполнится, я ей качели обещал сделать. Разреши я хотя бы позвоню. Я прошу тебя.

- Капитан кивает. Эрнест подаёт Шухарту телефон. Шухарт начинает набирать номер, поворачивается к полицейским, просительно смотрит на них. Все отворачиваются, старательно разглядывают хабар.
- **Рыжий** (в телефонную трубку). Гута, ты, пожалуйста, не волнуйся. Я опять попался. Да ерундистика это все, месяцев шесть-восемь... и со свиданиями... Переживем. А без денег ты не будешь, деньги тебе пришлют... Завтра утром тебя вызовут в комендатуру, там увидимся. Мартышку приведи. Обыска не будет. А хоть бы и был. Дома все чисто. Ничего, держи хвост трубой... Уши торчком, хвост пистолетом. Взяла в мужья сталкера, теперь не жалуйся. Ну, до завтра... Целую в носик.
- Осторожно нажимает на рычаг телефона. Оборачивается на капитана и остальных. Набирает другой номер. Говорит шепотом.
- Рыжий (скороговоркой). Слушайте внимательно и не перебивайте... Говорит Шухарт. Не перебивайте, я говорю! Я попался. Мне дадут года два с половиной или три. Жена остается без денег. Вы ее обеспечите. Понятно, я вас спрашиваю? Недалеко от того места, где мы с вами в первый раз встретились, есть телефонная будка. Там она одна, не ошибетесь. Фарфор лежит под ней. Хотите берите, хотите нет, но жена моя чтобы ни в чем не нуждалась. Нам с вами еще работать и работать. А если я вернусь и узнаю, что вы сыграли нечисто... Я вам не советую играть нечисто. Понятно?
- Ловкач, который скрутил Шухарта, оборачивается, бросается к телефону, выхватывает из рук Рыжего трубку. Прижимает к уху.
- **Рыжий**. Все деньги до последнего медяка жене! Слышите?!. А жжжабы! Чтоб вам пусто было!

Ловкач бьёт Рыжего трубкой по лицу. Рыжий рычит как дикий зверь, закрывает голову руками, падает. Полицейские бьют его ногами по спине. Гаснет свет. Слышна дурацкая песенка про даровое счастье.

2 акт.

-.II.

Всё та же тьма. За ставнями одного из окон появляется свет. Ставни раскрываются, и мы видим девочку с фонарём в руках. Девочка (Мария Шухарт «Мартышка») в черных очках, за которыми такая же тьма, как та которая окутывает всё вокруг. Девочка слепая. Она берёт с подоконника коробку, переворачивает её. Из коробки рассыпаются маркеры или фломастеры. Девочка берёт один, трясёт им перед ухом, прислушивается, откладывает в сторону. Берёт другой, обнюхивает, так как это сделала бы обезьяна или другое животное. Снимает колпачок и начинает рисовать на стекле. Она рисует быстро, уверенно. На первый взгляд, линии никак не согласуются друг с другом. Она перебирает фломастеры, выбирает то один, то другой, несколько линий тут, несколько там. Цвета не естественно яркие, кислотные, но в целом картина имеет приятную цветовую гамму. Девочка напевает, мычит, насвистывает какую-то мелодийку. Это мелодия песенки про даровое счастье. Картина постепенно приобретает содержание. На одной из половин окна пейзаж: небо, котлован, часть какой-то машины — машина сломана, это понятно. Из глубины кратера котлована льётся золотистый свет. На другой половине оконной рамы появляется силуэт мужчины – это портрет. Появляются плечи, куртка такая же как у Рэда Шухарта, красные волосы, брови, какие-то ещё детали, однако лица нет. Когда картины, по мнению девочки закончены, и краски заполняют всё пространство окна, так, что оно становится непрозрачным, появляется Гута. Это уже не та надменная красавица, какой мы её видели впервые. Она осунулась, устала, волосы убраны не в парикмахерской, а завязаны в пучок, на скорую руку. Но всё равно она красива. Гута подходит к окну, разглядывает рисунок. Внезапно выскакивает «Мартышка», прижимается лицом к стеклу в том месте, где должно быть лицо Рэдрика, на лице её счастливая улыбка. Однако всё это в целом производит жуткое впечатление. Гута пугается, захлопывает ставни. Мартышка страшно, не по-человечески кричит. Гута опускается на колени, плачет. Стук в дверь. Гута утирает лицо полотенцем, включает свет, открывает дверь. На пороге Эрнест.

I.II

Эрнест. Здравствуй, Гута! Пустишь?

Гута. Конечно. Входи. Пойдем на кухню. Я там ужин готовлю, заодно поболтаем.

Эрнест. Да, конечно. Столько не виделись!.. Ты еще не забыла, что я люблю выпить перед ужином? Деньги у вас есть?

Гута. Не жалуемся.

Эрнест. А как Он?

Гута. Да все такой же. Похудел в тюрьме, но я его откормлю как вернётся.

Эрнест. Рыжий?

Гута. Еще бы!

Эрнест. Злой?

Гута. А как же! Это у него уж до смерти.

Гута ставит перед гостем бутылку. Эрнест наливает полный стакан.

Гута. Не много?

Эрнест. В самый раз.

Выпивает. Довольно крякает.

Эрнест. Вот это другое дело.

Гута. У тебя все хорошо? Что так долго не заходил?

Эрнест. Проклятые дела. Каждую неделю собирался зайти или хотя бы позвонить, но сначала пришлось ехать в Рексополис, потом... В общем, завертелся я, Гута. Я иногда спрашиваю себя: какого черта мы так крутимся? Чтобы заработать деньги? Но на кой черт нам деньги, если мы только и делаем, что крутимся?.. Ты слыхала про мертвецов? Нынче утром на мою улицу заявился покойник с кладбища. Пришел, значит, в свой дом, а дом-то уже сколько лет заколочен, все оттуда уехали - и вдова его, старуха, и дочка с мужем, и внуки. Сам-то он, соседи говорят, помер лет тридцать назад, еще до Посещения, а теперь вот привет! - приперся. Походил-походил вокруг дома, поскребся, потом уселся у забора и сидит. Народу набежало со всего квартала, смотрят, а подойти, конечно, боятся. Потом кто-то догадался: взломали дверь в его доме, открыли, значит, ему вход. И что вы думаете? Встал и вошел, и дверь за собой прикрыл. Мне на работу надо было бежать, не знаю, чем там дело кончилось, знаю только, что собирались в институт звонить, чтобы забрали его от нас к чертовой бабушке. Переезжать надо отсюда. Бар у меня отобрали, а работать там, где раньше был хозяином я не могу.

Молчание. Открываются ставни окна, на стекле которого рисовала Мартышка. Половина с портретом Шухарта уже чистая. В середине второй половины очищается круглое окошко – Мартышка стирает свою картину.

Эрнест. Привет, Мария! Шоколадку хочешь?

Эрнест достаёт шоколад. Машет им в воздухе. Мартышка некоторое время стоит неподвижно, затем продолжает свою работу.

Гута. Она уже почти ничего не понимает. Ты вот не спрашиваешь, как мы живем, и правильно делаешь. Только ведь ты наш старый друг, нам от тебя скрывать нечего. Да и не скроешь!

Эрнест. У врача были?

Гута. Да. Ничего они не могут сделать. А один сказал... а один сказал, что она уже не человек.

Эрнест. Вздор. Обратитесь к настоящему специалисту. Обратитесь к Джеймсу Каттерфилду. Хочешь, я с ним поговорю? Устрою вам прием... Он светило штата. Первый в мире врач — специалист по нечеловеческим заболеваниям человека.

Гута. Это Мясник, что ли? Не надо, спасибо. Это он и сказал. Видно, судьба.

Эрнест молча смотрит на Гуту. Та смотрит невидящими глазами в какую-то точку перед собой.

Эрнест. Сделай-ка мне еще одну порцию, детка... и себе сделай. И выпьем.

Гута. Берёт бутылку. Наливает себе и гостю. Но стакан не поднимает.

Гута. За что? Вот я чего не понимаю! Что мы такое сделали? Мы же не самые плохие всетаки в этом городе...

Эрнест. Вы все-таки не отчаивайтесь. Нет на свете ничего такого, что нельзя исправить. И ты мне поверь, Гута, у меня есть связи. Все, что смогу, я сделаю...

Мартышка захлопывает ставни. Торопливыми, семенящими шагами идёт к столу. Она не наткнулась не на одно препятствие. Она останавливается возле них, некоторое время крутит головой, аккуратно обходит его и идёт дальше. Подходит к матери, на мгновение прижимается к ней. Затем хватает шоколад и семенит к входной двери. Открывает её. На

пороге стоит человек в чёрном костюме. Мартышка протягивает ему шоколад. Механическим движением новый гость принимает угощение. Мартышка берёт его за руку и ведёт к столу. Усаживает на стул.

Эрнест. А вот и старик Шухарт домой вернулся.

Мартышка садится на колени деду, прижимается к нему всем телом. Гаснет свет. Из открытой входной двери льётся золотистый свет. В проёме появляется человек, он напевает песенку про даровое счастье.

II.II

Кабинет капитана Квотерблада. Капитан сидит за столом. Стук в дверь. Входит Гуталин.

Квотерблад. А, вот и вы. Входите, располагайтесь. С сожалением должен сообщить вам, что ваш рапорт произвел наверху чрезвычайно благоприятное впечатление.

Гуталин. Гм... начинается.

Квотерблад. Вас даже собирались представить к ордену, однако я предложил повременить. И правильно сделал. Вы спросите меня, почему я проявил такую, казалось бы, чрезмерную осторожность...

Гуталин. Наверное, у вас были к тому основания.

Квотерблад. Да, были. Что получалось из вашего рапорта? Группа "Метрополь" ликвидирована. Вашими усилиями. Блестящая работа. Группы "Варр", "Квазимодо", "Странствующие музыканты" и все прочие, я не помню их названий, самоликвидировались, осознав, что не сегодня-завтра их накроют. Это все на самом деле так и было, все подтверждается перекрестной информацией. Поле боя очистилось. Оно осталось за вами. Противник в беспорядке отступил, понеся большие потери. Я верно изложил ситуацию?

Гуталин. Во всяком случае, последние три месяца утечка материалов из Зоны через Хармонт прекратилась... По крайней мере, по моим сведениям.

Квотерблад. Противник отступил, не так ли?

Гуталин. Ну, если вы настаиваете именно на этом выражении... Так.

Квотерблад. Не так! Дело в том, что этот противник никогда не отступает. Я это знаю твердо. Поспешив с победным рапортом, вы продемонстрировали незрелость. Именно поэтому я предложил воздержаться от немедленного представления вас к награде.

Гуталин. Да провались они, эти награды. На чердак я ваши награды вешал! Я и без вас знаю, с кем я здесь имею дело, нечего мне морали читать, какой у меня противник. Скажите просто и ясно: где, как и что я прошлепал... Что эти дети сатаны откололи еще... где, как и какие нашли щели... и без предисловий, я здесь не ради орденов сижу...

Квотерблад. Что вы слышали о Золотом шаре?

Гуталин. Господи, Золотой-то шар здесь при чем? Золотой шар есть легенда. Мифическое сооружение в Зоне, имеющее форму и вид некоего золотого шара, предназначенное для исполнения человеческих желаний.

Квотерблад. Любых?

Гуталин. В соответствии с каноническим текстом легенды - любых. Существуют, однако, варианты...

Квотерблад. Так. А что вы слышали о "смерть-лампе"?

Гуталин. Восемь лет назад, сталкер по имени Стефан Норман, по кличке Очкарик, вынес из Зоны некое устройство, представляющее собою, насколько можно судить, нечто вроде системы излучателей, смертоносно действующих на земные организмы. Упомянутый

Очкарик предлагал этот агрегат институту. В цене они не сошлись, Очкарик ушел в Зону и не вернулся. Где находится агрегат в настоящее время - неизвестно. В институте до сих пор рвут на себе волосы. Известный вам Хью из "Метрополя" предлагал за этот агрегат любую сумму, какая уместится на листке чековой книжки.

Квотерблад. Все?

Гуталин. Все.

Квотерблад. Так. А что вы слышали о "рачьем глазе"?

Гуталин. О каком глазе?

Квотерблад. О рачьем. Рак. Знаете? С клешнями.

Гуталин. В первый раз слышу.

Квотерблад. Ну а что вы знаете о "гремучих салфетках"?

Гуталин. Ничего не знаю. А вы?

Квотерблад. К сожалению, я тоже ничего не знаю. А между тем они существуют.

Гуталин. В моей Зоне?

Квотерблад. Вы сядьте, сядьте. Наш разговор только начинается. Сядьте. Как поживает старый Барбридж?

Гуталин. Барбридж? Стервятник Барбридж под наблюдением. Калека, в средствах не нуждается. С Зоной не связан. Содержит четыре бара, танцкласс и организует пикники для офицеров гарнизона и туристов. Дочь, Дина, ведет рассеянный образ жизни. Сын, Артур, только что окончил юридический колледж.

Квотерблад. А что поделывает Креон Мальтиец?

Гуталин. Один из немногих действующих сталкеров. Был связан с группой "Квазимодо", теперь сбывает хабар институту. Правда, последнее время он сильно пьет и, боюсь, долго не протянет.

Квотерблад. Контакты с Барбриджем?

Гуталин. Ухаживает за Диной. Успеха не имеет.

Квотерблад. Очень хорошо. А что слышно о Рыжем Шухарте?

Гуталин. Месяц назад вышел из тюрьмы. В средствах не нуждается. Пытался эмигрировать, но у него... Словом, ему сейчас не до Зоны.

Квотерблад. Все?

Гуталин. Все.

Квотерблад. Немного. Ну кого из стариков я еще забыл?

Гуталин. Вы забыли Джонатана Майлза по прозвищу Кактус. Сейчас он в больнице, умирает от рака.

Квотерблад. Да-да. А что у вас?

Гуталин. Вы и сами знаете, что у меня.

Квотерблад. И всё же?

Гуталин. Ну, как вы помните, я занимался тем, что скупал хабар, и относил его обратно в Зону. Потом новый директор института натравил на меня вас, и вот я здесь.

Квотерблад. Ну а молодые?

Гуталин. Что же, молодые... приходят и уходят, есть человек пять-шесть с кое-каким опытом, но последнее время им некому сбывать хабар, и они растерялись. Я их понемножку приручаю... Полагаю, шеф, что со сталкерством в моей Зоне практически покончено. Старики сошли, молодежь ничего не умеет, да и престиж ремесла уже не тот, что раньше. Идет техника, сталкеры-автоматы.

Квотерблад. Резюмируем. Сталкеров-профессионалов в Хармонте почти не осталось. Те, что остались, к Зоне больше отношения не имеют. Молодежь растерянна и находится в процессе приручения. Противник разбит, отброшен, залег где-то и зализывает раны. Хабара нет, а когда он появляется, его некому сбывать. Незаконная утечка материалов из хармонтской Зоны уже три месяца как прекратилась. Так? Не слышу ответа.

Гуталин. Ладно, шеф. Хватит. Вы меня уже сварили и изжарили, подавайте на стол.

- Квотерблад. Вам даже нечего мне сказать. Ушами вот хлопаете перед начальством, а каково же было мне, когда позавчера... Короче говоря, за последние два месяца, только, по имеющимся сведениям, комплексы противника получили свыше шести тысяч единиц материала из различных Зон. Не тешьте себя иллюзиями! Отпечатки пальцев Барбриджа! Отпечатки пальцев Мальтийца! Отпечатки пальцев Носатого Бен-Галеви, о котором вы даже не сочли нужным упомянуть! Отпечатки пальцев Гундосого Гереша и Карлика Цмыга! Так-то вы приручаете вашу молодежь! "Браслеты"! "Иголки"! "Белые вертячки"! И мало того, какие-то "рачьи глаза", какие-то "сучьи погремушки", "гремучие салфетки", черт бы их подрал! Что вы об этом думаете?
- Гуталин. Ничего не думаю. Простите, шеф, я сейчас вообще... Дайте отдышаться... Барбридж! Барбридж не имеет никакого отношения к Зоне! Я знаю каждый его шаг! Он устраивает попойки и пикники на озерах, он зашибает хорошие деньги, и ему просто не нужно... Простите, я чепуху, конечно, говорю, но уверяю вас, я не теряю Барбриджа из виду с тех пор, как он вышел из больницы...
- **Квотерблад.** Я вас больше не задерживаю. Даю неделю сроку. Представьте соображения, каким образом материалы из вашей Зоны попадают в руки Барбриджа... и всех прочих. До свидания!

III.III

В доме Шухартов.

Рыжий. Я так и знал, что это ты. У-у, растолстел, толстяк! Все загривок в барах нагуливаешь... А вот мы сейчас посмотрим, кто кого. Гута, тащи ужин... Пировать будем! Надо как следует угостить лучшего друга, который не покидает своих в беде! Хотя пользы ему от этого никакой. Эх, Эрни нет, жалко...

Гуталин. А ты позвони ему.

Рыжий. Туда еще телефон не провели, куда ему сейчас звонить. Ну пошли, пошли...

- Он первым входит в гостиную и ставит бутылку на стол. За столом сидит Шухарт старший. Абсолютно прямая спина, руки лежат на коленях как у прилежного vченика.
- **Рыжий.** Пировать будем, папаня! Это вот Гуталин, наш друг! А это папаня мой, Шухартстарший...
- **Гуталин.** Очень рад, мистер Шухарт. Как поживаете?.. Мы ведь знакомы, Рэд, мы один раз уже виделись, мельком, правда...
- **Рыжий.** Садись. Ты, если будешь с ним говорить, говори громче он не слышит ничего. Разливай. Папане немного, на самое донышко... Ну что, понеслись? Понеслись, понеслись...

Выпивают.

Рыжий. Все, браток! Больше меня тюрьма не увидит. Если бы ты знал, милый мой, до чего же дома хорошо! Деньги есть, я себе хороший коттеджик присмотрел, с садом будем, не хуже, чем у Стервятника...

Гуталин. А уехать не думал? Могу помочь достать разрешение.

Рыжий. Нет, спасибо. Не интересуюсь. Мечтаю, знаешь ли, умереть на родине.

Гуталин. А почему?

- **Рыжий.** А как же! Сладкие воспоминания детства. Первый поцелуй в городском саду. Маменька, папенька. Как в первый раз пьян надрался в баре. Милый сердцу полицейский участок... Нет. Ни за что!
- **Гуталин.** Жизнь в городе стала тяжелая. Снабжение неважное. Под боком Зона, живём как на вулкане. В любой момент может либо эпидемия какая-нибудь разразиться, либо что-нибудь похуже...
- **Рыжий.** Все правильно. Городишко наш дыра. Всегда дырой был и сейчас дыра. Только сейчас, это дыра в будущее. Через эту дыру знания идут. А когда знание будет, мы и богатыми всех сделаем, и к звездам полетим, и куда хочешь доберемся. Вот такая у нас здесь дыра...
- **Гуталин.** Да, конечно... Вечные аккумуляторы, "синяя панацея"... Но ты и в самом деле веришь, что будет так, как ты сказал?
- **Рыжий.** Не узнаю я тебя что-то, Гуталин. Я ведь думал, ты мне проповедовать станешь. Уж и каяться приготовился. А ты мне в серьёз что ли про эмиграцию? Чего я там, в Европе, не видел? Скуки ихней не видел? День вкалываешь, вечер телевизор смотришь, ночь пришла к бабе под одеяло. Стачки, демонстрации, политика раздолбанная... В гробу я вашу Европу видел занюханную.

Гуталин. Ну почему же обязательно Европа?..

Рыжий. А, везде одно и то же, а в Антарктиде еще вдобавок холодно. Зона наша, гадина, стервозная, убийца, во сто раз милее мне, чем все ихние Европы и Африки. Как представлю, как я, весь измочаленный, с работы возвращаюсь в стаде таких же кретинов, как меня в ихнем метро давят со всех сторон и как все мне обрыдло, и ничего мне не хочется... Давай выпьем. Папаша, догоняй!

Старик медленно, деревянным движением, словно огромная кукла, поднимает руку с колена и с деревянным стуком роняет ее на стол рядом со своим бокалом. Рэдрик смотрит на него с неподдельной любовью и нежностью.

- Рыжий. Пейте, папаша, пейте. Немножко можно, пейте на здоровье... Ничего. Он до этого стаканчика доберется, будь покоен... На днях явились сюда из института. Два лаборанта, врач и с ним два санитара. Я их впустил в квартиру, дал осмотреть отца, думал, что папаню положат в больницу на профилактику. Но эти жабы взялись за старика как за бревно, поволокли, уронили на пол. Я взбесился, и тут вылез вперед болван-врач и стал разъяснять, что, куда, и зачем. Ну послушал я его минуту или две, а потом спустил по лестнице всех пятерых. Все вылетели из парадного, как ядра из пушки. Двое остались валяться на панели, а остальных я гнал по улице четыре квартала, потом вернулся к ихней машине и выбил в ней все стекла...
- **Гуталин** (завороженно смотрит на Шухарта старшего). А я слышал, что они не настоящие, что это муляжи... реконструкции по скелету... чучела...

Рыжий бьёт ладонью о стол. Гуталин замолкает.

Рыжий. Будем считать, ты этого не говорил, а я не слышал. Отец, ты не обижайся на него. Он в школе на спор банку гуталина сожрал, еле откачали. С тех пор мозгов у него не прибавилось. Верно я говорю?

Гуталин. Верно.

Молчат.

Гуталин. Мне тут в одном баре новый коктейль показали, "Ведьмин студень" называется, я тебе потом сделаю, когда поедим. Это, брат, такая вещь, что на пустое брюхо принимать опасно для жизни: руки-ноги отнимаются с одной порции...

Рыжий. А что там, в институте, за "ведьмин студень" еще не взялись? Я, знаешь ли, от науки слегка поотстал...

Гуталин. Что ты, дружище! С этим "студнем" знаешь какая штука случилась? Про Карригановские лаборатории слыхал? Есть такая частная лавочка... Так вот, раздобыли они порцию "студня"... Эти идиоты поместили фарфоровый контейнер со студнем в специальную камеру, предельно изолированную... То есть это они думали, что камера предельно изолирована... а когда они открыли контейнер манипуляторами, студень прошел через металл и пластик, как вода через промокашку, вырвался наружу, и все, с чем он соприкасался, превращалось опять же в студень. Погибло тридцать пять человек, больше ста изувечено, а все здание лаборатории приведено в полную негодность. А теперь студень стек в подвалы и нижние этажи...

Рыжий. Так им и надо, паразитам, чтоб они сдохли...

Выпивает, смотрит на папаню. Протягивает руку и придвигает бокал поближе к сведенным пальцам, и пальцы вдруг разжимаются и снова сжимаются, обхватив бокал за донышко.

Рыжий. Вот так оно дело быстрее пойдет. Гута! Долго ты нас будешь голодом морить?.. Это она для тебя старается. Ну а как вообще в институте дела? Нашли что-нибудь новенькое? Там, говорят, теперь вовсю автоматы работают, да мало вырабатывают.

К столу подходит Мартышка, встаёт рядом со стариком, совершенно детским движением прислоняется к нему кладёт голову ему на плечо. Гуталин смотрит на них и молчит.

Рыжий. Ты чего на них уставился? Ты не беспокойся, это ей не вредно. Даже наоборот, говорят, от них здоровье исходит.

Гуталин. Да, я знаю. (Залпом выпивает из бокала.)

Рыжий. Видишь, дружище, как у нас тут? У меня дом теперь полная чаша. Так что передай капитану чтобы на мой счёт не напрягался – завязал я. На этот раз точно завязал.

Старик одним движением, словно кто-то спохватился и дернул за ниточки, вскидывает бокал к открывшемуся рту.

Рыжий. Ну, ребята, теперь у нас пойдет пирушка на славу!

IV.II.

«Borzch». За стойкой бара вместо Эрнеста стоит Дина. Звучит та самая мелодия, которую она включала на музыкальном автомате, когда мы впервые увидели её. Это незатейливая песенка-балладка про какого-то чудака, пришедшего на ярмарку в город. Мы слышим вступление, завязку истории... Входит Гуталин, выключает автомат. Продолжение балладки про чудака мы не услышим.

Гуталин. Как дела?

Дина. В полном порядке.

Гуталин. Тот скандал уладили в комендатуре?

Дина. Сто пятьдесят монет выложила. Все довольны.

Гуталин. Сто пятьдесят с тебя. Твоя вина. Надо было следить... Хабар?

Дина. Есть немножко.

Гуталин. Покажи.

Дина достаёт из-под прилавка мешочек с хабаром. Гуталин уныло зачерпывает пригоршню, роняет несколько предметов обратно в мешок.

Гуталин. Это все? Дина. Не несут. Гуталин. Не несут...

Гуталин подбрасывает в руке цацки, ловит и с размаху запускает их в лицо Дине.

Гуталин. На две стороны работаешь, стерва? Стервятник в хабаре купается, а ты мне бусики в бумажечке подносишь? Откуда у Барбриджа хабар? Почему ему несут, а тебе нет? Кто несет? Почему я ничего не знаю? Ты на кого работаешь, кукла сатанинская? Говори! Ну?

Дина. Нет у него никакого хабара. Я бы знала. Нынче ни у кого хабара нету...

Гуталин. Ты что, спорить со мной будешь?

Дина. Ни у кого сейчас хабара нет. В Зону ведь одни сопляки ходят, так они же не возвращаются.

Гуталин. Эти пикники - выгодное дело?

Дина. Пикники? Да не так чтобы очень. Лопатой не загребешь... Так ведь сейчас в городе выгодных дел не осталось...

Гуталин. Где эти пикники устраиваются?

Дина. Так в разных местах. У Белой горы, на Горячих источниках бывают, на Радужных озерах...

Гуталин. А какая клиентура?

Дина. Голубые каски, офицеры из комендатуры, туристы из "Метрополя", из "Белой лилии", из "Пришельца". Местные ребята тоже к нему ходят...

Гуталин. Местные тоже к нему ходят?

Дина. Молодежь, в основном.

Гуталин. Ну и что там, на пикниках, делается?

Дина. Делается что? Едут туда на автобусах, так? Там уже палаточки, буфетик, музычка... Ну и каждый развлекается, как хочет. Офицеры больше с девочками, туристы прутся на Зону смотреть. Ежели у Горячих источников, то до Зоны там рукой подать, прямо за Серной расщелиной... Стервятник туда им лошадиных костей накидал, вот они и смотрят в бинокли...

Гуталин. А местные?

Дина. Местные? Местным это, конечно, не интересно... Так, развлекаются, кто как умеет...

Гуталин. А Барбридж?

Дина. Так, а что Барбридж? Как все, так и Барбридж...

Гуталин. И сколько это все продолжается?

Дина. Когда как. Когда трое суток, а когда и всю неделю.

Гуталин. Кто из местных ездит постоянно?

Дина. Так я ж говорю, больше молодежь. Ну там Галеви, Ражба... Куренок Цапфа... этот Цмыг... Ну, Мальтиец бывает. Теплая компания. Они это дело называют "воскресная школа". Что, говорят, посетим "воскресную школу"? Они там в основном насчет пожилых туристок, неплохо зарабатывают. Прикатит какая-нибудь старуха из Европы...

Гуталин. "Воскресная школа". Ладно. Бог с ними, с пикниками. Это не для нас. Но чтоб ты знала: у Стервятника есть хабар, а это уже наше дело, голубчик. Это мы просто так оставить не можем. Откуда он берет хабар, кто ему доставляет, - выясни все и давай на двадцать процентов больше, чем он. Поняла?

Дина. Поняла.

Дина снова включает музыкальный автомат. И вот оно продолжение истории чудака на городской ярмарке — рефрен: «Счастье для всех!.. Даром!.. Сколько угодно счастья!.. Все собирайтесь сюда!.. Хватит всем!.. Никто не уйдет обиженный!.. Даром!.. Счастье! Даром!..»

V.II.

Дом Шухартов. Ночь. За столом в прежней позе сидит папаша Шухарт. Где-то в глубине Зоны рождается гулкий звук, наподобие того как вздыхает болото, когда лопается в его нутрях газовый пузырь. Шухарт старший открывает рот и издаёт гортанный тоскливый вой. Открываются ставни окна Мартышки. Появляется лицо в тёмных очках слепой. Мартышка отвечает деду таким же тоскливым криком. Так они перекликаются минуту или сто лет. Их крик сливается в один, иногда разбивается на отдельные «фразы». В дверях своей комнаты появляются Гута и Рэд. Рэдрик идёт к отцу, Гута не отпускает мужа, тянется за ним, но сама не в силах сделать шаг за порог комнаты. Рэд подходит к отцу, всматривается в его лицо.

Рыжий. Батя, ты чего? Весь дом перебудишь. А? Чего ты? Может надо чего? Не понимаю я, батя! Ааааааа!!! Слышишь меня? Ааааааа!!! Не понимаю я тебя, батя! Отец! Папа! Не понимаю я! Чего тебе от нас надо, жаба ты проклятая?! (Последние слова он выкрикивает во входную дверь, обращаясь, по всей видимости, к Зоне.)

Перекличка обрывается так же внезапно, как и началась. Ставни окна Мартышки закрываются. Тишина. Слышно только как плачет Гута и еще звук бульканья коньяка, который огромными глотками вливает в себя Рыжий. Наконец, он останавливается, чтобы перевести дух, берёт стакан, наливает, ставит на стол перед отцом. «Кукла» выбрасывает руку вперёд, кладёт на стол.

Рыжий. Давай, отец, промочи горло, а то так без голоса останешься.

В оставшуюся открытой дверь, опираясь на костыли, на негнущихся ногах, входит Стервятник, останавливается на пороге.

Стервятник. Здорово, Рыжий. Нас ведь двое осталось всего, да на двоих две ноги, и обе твои... Кому же, как не тебе? Кроме тебя - некому. Я вот карту принес. Это же, может, самое ценное, что в Зоне есть! Кому ж достанется, а? Неужто этим чистоплюям достанется, с ихними машинами? Ведь я его нашел, я! Сколько там наших по дороге полегло! А нашел я! Себе берег. И сейчас никому бы не отдал, да руки, видишь, коротки стали... Может, все-таки посмотришь?

Рыжий смотрит на отца, на окно Мартышки. Выпивает глоток из бутылки, наливает в стакан. Идёт к Барбриджу, отдаёт стакан ему.

Рыжий. Давай.

Стервятник. Рыжий, сколько я разных молокососов натаскивал, целую школу, понимаешь, для них открыл, - не могут, кость не та... Ну ладно, ты не веришь. Не веришь - не надо. Тебе - деньги. Дашь мне, сколько сам захочешь, я знаю, ты не обидишь... а я, может, ноги себе верну. Ноги верну, понимаешь ты? Зона ведь ноги у меня отобрала, так, может, Зона и отдаст?...

Рыжий. Гута, чего стоишь? Видишь, гости у нас. Собери на стол.

Гута уходит в комнату переодеться, затем в кухню — собрать на стол. Папаша Шухарт одним движением опрокидывает стакан в глотку. Ставит обратно на стол. Сын наливает новую порцию. Пьёт из горла сам. Стервятнику не предлагает. Да тому и не нужно, он полностью поглощён своим рассказом.

Стервятник. Вот, смотри: сюда ты сам дойдёшь, тут всё просто. А дальше самая гадость начинается. Видишь холм с горелым деревом наверху, здесь «комариная плешь», тут красным пунктиром тропка обозначена. По ней не ходи. Красный крестик — это Хлюст тут лёг. Дальше низинка между взгорками... знаю, что нельзя, что так не ходят, но подругому никак. Вот, тут Очкарик, а тут Пудель остались. Одна дорога - по низинке. Запашок там будет, Рыжий, так ты не того... не дрейфь. Слышишь? Как до карьера дойдёшь, там прямая дорога, но одному туда соваться нельзя. Там «мясорубка». Понимаешь? Ты один не пройдёшь, тут вперед кого-то пустить нужно... Она потом сутки перезаряжается. Понимаешь? Она, тварь такая, птицу или зверя пропускает через себя, ничего им, падлюкам не делается. Слышишь? Хитрая, сука! Хочешь я тебе когонибудь из своих дам, кого не жалко? Выбирай кого хочешь. Только сам не ходи. Дальше шар. Мне бы только ноги вернуть. А деньги ты себе заберёшь. За шар пятьсот тысяч дают. Тебе на две жизни хватит.

Рыжий. Пошел вон.

Стервятник. Рыжий, ты мне должен. Это из-за тебя я калека. Если бы ты тогда сразу меня к Мяснику отнёс, были бы у меня колени, а может и всё остальное.

Рыжий. Ничего я тебе не должен.

Стервятник. Послушай, Рэд...

Рыжий. Пошёл вон, скотина!

Поднимается из-за стола. Хватает Стервятника за шиворот, сбрасывает со стула, на который тот так долго устраивался. Волочит до двери и выбрасывает за порог. Гута наблюдает за ним стоя возле стола с подносом на котором приготовлена закуска. Рыжий снимает с крючка рюкзак, сгребает в него с подноса еду. Высыпает из кармана рюкзака на стол гайки, садится, начинает привязывать к ним бинты.

Гута. Остановись. Зачем? Зачем, Рэд? Хочешь нас одних оставить? У нас же всё есть. Деньги есть. Чего тебе ещё надо? Тебя опять посадят. Я не выдержу. Я уйду. Возьми меня с собой. Барбридж говорил, там одному не пройти. Ну, зачем, Рэд?

Рыжий. Пятьсот тысяч, Гута. Ты же слышала.

Гута. Не ври мне, сталкер. Столько лет вместе живём, а врать ты мне так и не научился. Прав был Эрни, деньги нужны чтобы о них не думать. А нам и так ничего не надо. Коттедж купим, как ты хотел и ещё останется. Не ходи. Возьми меня с собой. Ты о Мартышке подумал?

Рэдрик отталкивает жену, встаёт набрасывает рюкзак на плечи. Идёт к выходу. На пороге останавливается.

Рыжий. Кирилл мне как-то сказал, что нужно делать добро из зла, если других вариантов не остаётся... Я же не Стервятник, Гута... может чего придумаю. (Открывает дверь, на секунду замирает, говорит обернувшись через плечо, как бы между прочим.) Я знаю кого в Зону возьму. Папаша Барбридж удивится, когда узнает. (Выходит.)

Шухарт старший и Мартышка снова воют. Им вторит Зона. Вой прекращается оглушительным треском молнии и раскатом грома.

VI.II.

Артур. Ф-фу-у... Что это было, мистер Шухарт?

Рыжий. Смерть это была.

Артур. Спасибо вам, мистер Шухарт! Вытащили вы меня.

Рыжий. Что, сталкер, еще поживем, как ты считаешь, а?

Артур. Мистер Шухарт, а вы серьезно верите, что эта штука исполняет желания?

Рыжий. Чепуха! А ты откуда знаешь, за какой такой штукой мы идем?

Артур. Да вот догадался!.. Я уже и не помню, что именно натолкнуло меня на эту мысль... Ну, во-первых, раньше отец все время бубнил про этот Золотой шар, а последнее время вдруг перестал и вместо этого зачастил к вам, а я ведь знаю, никакие вы не друзья, что бы там отец ни говорил...

Рыжий. Ну хорошо. А предположим, например, что этот самый Золотой шар действительно... Что б ты тогда пожелал?

Артур. Значит, вы все-таки верите?

Рыжий. Это неважно, верю я там или не верю. Ты мне на вопрос ответь.

Артур. Ну, конечно, ноги отцу... Чтобы дома было все хорошо...

Рыжий. Врешь, врешь. Ты, браток, учти: Золотой шар только сокровенные желания выполняет, только такие, что если не исполнится, то хоть в петлю!

Артур смущённо опускает глаза.

Рыжий. Все понятно. Ладно, это не мое дело. Иди, загадывай.

Артур. Дошли? Где он? Не верится! Мистер Шухарт, куда идти?

Рыжий. Красное видишь между камнями?

Артур. Вижу.

Рыжий. Прямо на него. Пошел.

Мальчишка идёт, приплясывая, отбивая немыслимую чечетку, что-то кричит во весь голос, очень звонко, и очень весело, и очень торжественно, - как песню или как заклинание

Артур. Счастье для всех!.. Даром!.. Сколько угодно счастья!.. Все собирайтесь сюда!.. Хватит всем!.. Никто не уйдет обиженный!.. Даром!.. Счастье! Даром!..

Шухарт наблюдает за Артуром со своего места. В какой-то момент он делает движение, как будто сейчас побежит за ним или хотя бы остановит криком, но этого не происходит. Внезапный и резкий свист, вспышка света. Артур падает, как тряпичная кукла. И больше не встаёт. Шухарт на коленях подползает к телу Артура Барбриджа, вглядывается в его лицо. Аккуратно поднимает голову парня и кладёт себе на колени. Прижимает к себе, баюкает на руках и на манер колыбельной напевает начало песенки про даровое счастье.

Рыжий. Дурак ты, Барбридж. Хитер, а дурак. Как же ты мне поверил, а? Ты же меня лучше меня самого знать должен. Старый ты стал, вот что. Поглупел.

Сверху опускается Золотой шар. Рыжий поднимается на ноги, смотрит на Шар. Говорит размеренно и торжественно.

Рыжий. Я, Рэдрик Шухарт, в здравом уме и трезвой памяти буду решать все и за всех. А вы, все прочие, Стервятники, жабы, пришельцы, костлявые, Квотерблады, паразиты, зелененькие, Хрипатые, в галстучках, в мундирчиках, чистенькие, с портфелями, с речами, с благодеяниями, с работодательством, с вечными аккумуляторами, с вечными двигателями, с "комариными плешами", с лживыми обещаниями, хватит, поводили меня за нос, через всю мою жизнь волокли, я все, дурак, хвастался, что, мол, как хочу,

так и сделаю, а вы только поддакивали, а сами, гады, перемигивались и волокли меня, тянули, тащили, через тюрьмы, через кабаки... Расплатиться за все, душу из вас вынуть, дряни пожрите, как я жрал...

Рыжий идёт к шару, сначала уверенно, но с каждым шагом эта уверенность тает. Он останавливается, не дойдя до цели один шаг.

Рыжий. Хватит! Это же ругань, а не мысли. Господи, да где же слова-то, мысли мои где? Кирилл, как же это?.. Как же я без тебя? Ведь говорил же ты мне что-то такое... Перспективы мне рисовал, про новый мир, про измененный мир... а теперь что?

Он с размаху бьёт себя полураскрытым кулаком по лицу.

Рыжий. Ведь за всю жизнь ни одной мысли у меня не было! Подлость, подлость... И здесь они меня обвели, без языка оставили... Шпана... Как был шпаной, так шпаной и состарился... Человек рожден, чтобы мыслить. Верно, именно так ты мне и говорил... Спасибо, Кирилл, не оставил меня...Только ведь я в это не верю. И раньше не верил, и сейчас не верю, и для чего человек рожден - не знаю. Родился, вот и рожден. Пусть мы все будем здоровы, а они пускай все подохнут... Кто это - мы? Кто они? Господи, это ж каша, каша! Я всю жизнь с капитаном Квотербладом воюю, а он от меня, обалдуя, только одного лишь хотел - чтобы я сталкерство бросил. Но как же мне было сталкерство бросить, когда семью кормить надо? Я всегда хотел сам, сам хотел быть, чтобы на всех поплевывать, на тоску вашу и скуку...

Сталкер Рэдрик «Рыжий» Шухарт опускается на колени возле шара, опирается на руки, опускает голову вниз, раскачивается из стороны в сторону. Со всех сторон к Шару идут люди-тени: Кирилл, папаша Шухарт, Гуталин, Гута и Мартышка... все те, кого любит и ненавидит Рэд. Они стоят и ждут, что же решит сталкер.

Рыжий. Дело непривычное, думать, вот в чем беда. Что такое "думать"? Думать - это значит извернуться, сфинтить, сблефовать, обвести вокруг пальца, но ведь здесь все это не годится... Я животное, ты же видишь, я животное. У меня нет слов, меня не научили словам, я не умею думать, эти гады не дали мне научиться думать. Но если ты на самом деле такой... всемогущий, всесильный, всепонимающий... разберись! Загляни в мою душу, я знаю, там есть все, что тебе надо. Должно быть. Душу-то ведь я никогда и никому не продавал! Она моя, человеческая! Вытяни из меня сам, чего же я хочу, - ведь не может же быть, чтобы я хотел плохого!.. Будь оно все проклято, ведь я ничего не могу придумать.

Свет меркнет. Остаётся только золотое свечение шара. Его хватает только чтобы различить человеческую фигуру, прислонившуюся к его круглому боку. Откуда-то из глубины Зоны поднимается тоскливый, унылый звук. Он заполняет собой весь мир и кажется, что ничего кроме него больше не будет. Тоска, безнадежность и боль. Тьма. Внезапно звук обрывается. В тишине и тьме отчётливо слышно, как Рыжий произносит: "СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ, ДАРОМ, И ПУСТЬ НИКТО НЕ УЙДЕТ ОБИЖЕННЫЙ!" Шар пронзают электрические молнии. Они заполняют всё вокруг, вспыхивают и гаснут осветительные приборы сцены, в них лопаются лампы, горят провода. Шар раскалывается на части и гаснет. Оглушительный гром, будто обрушились колосники сцены. Яркая вспышка, тьма и тишина.